

Владимир МАГУН, Михаил ИГОВАТОВ

Структура и межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985—2001 гг.¹

Предмет и информационная база исследования. Настоящая статья посвящена анализу динамики притязаний и жизненных стратегий нескольких поколений российской и украинской молодежи, вступивших в раннюю юность в конце XX — начале XXI вв., в период революционных изменений в странах бывшего СССР.

Объектом анализа являются различные виды притязаний (должностные, потребительские, репутационные и др.), а также стратегии, связанные с использованием двух категорий ресурсов: ожидания молодых людей, касающиеся помощи со стороны окружающих (1), и готовности молодых людей идти на собственные жертвы, самим преодолевать трудности и лишения для достижения поставленных целей (2).

Исследование основано на данных четырех повторных опросов². Сохранив без изменений принципы формирования выборки и инструментарий опроса, мы имеем возможность сравнить жизненные притязания и стратегии

четырёх поколений российской и украинской молодежи

Анализ результатов трех серий исследования (1985 г., начала 1990-х годов и 1995 г.) опубликован. При сравнении первых двух серий опросов было установлено, что уже на начальном этапе периода быстрых социальных изменений, получившего название "перестройка", произошел *резкий рост притязаний* юношей и девушек и заметно изменились их представления о способах воплощения этих притязаний в жизнь². Сопоставление материалов, полученных в 1995 г. в городах Москве, Орле, Мценске и Киеве, с двумя первыми сериями опросов продемонстрировало дальнейшее развитие тех же тенденций³.

¹ Авторы признательны А.Г.Вишневному, В.Е.Гимпельсону, Е.И.Головахе, Б.В.Дубину, С.В.Захарову, Е.Ю.Мещеркиной, Ю.Бернштейну (E.Burnstein) и Р.Добсону (R.Dobson) за комментарии и ценные советы.

² Замысел и методический инструментарий первого из них был разработан Е.И.Головахой и В.С.Магуном. Этот первый опрос был проведен в 1985 г. (Киев), второй — в конце 1990 - начале 1991 гг. (Москва) и в 1992 г. (Киев), третий — в 1995 г. в столицах (Москва и Киев) и в провинциальных российских городах (Орел и Мценск), четвертый — в 2001 г. в четырех упомянутых городах и в сельских районах Саратовской области. Объектами изучения каждый раз были 16–17-летние учащиеся выпускных классов обычных общеобразовательных школ (не включались в выборку школы с углубленным изучением иностранных языков или других предметов, гимназии, частные школы и т.п.). Сбор данных проводился методом группового анонимного анкетного опроса в школе (техника самозаполнения); как правило, в опросах одновременно участвовал школьный класс полным составом (Головаха Е.И., Магун В.С. Теоретические и методологические проблемы исследования // Профессиональное самоопределение и трудовой путь молодежи / Под ред. В.Л.Осовского. Киев: Наукова думка, 1987. С. 276–282; Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988; Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощи // Психологический журнал. 1991. № 6).

¹ Численность опрошенных (N): в 1985 г. в Киеве — 625 человек, в 1990–1991 гг. в Москве — 387, в 1992 г. в Киеве — 205, в 1995 г. в Киеве — 203, в Москве — 200, в Орле — 208 и в Мценске — 186 человек, в 2001 г. в Киеве — 200, в Москве — 230, в Орле — 253, в Мценске — 219 и в сельских поселениях Саратовской области — 176 человек. В общей сложности были опрошены 3092 человека.

² Магун В.С., Литвинцева А.З. Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. М.: Институт социологии РАН, 1993.

³ Магун В.С. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г. // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / Под ред. Т.И.Заславской. М., 1996; *Он же*. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы // Социологический журнал. 1996. № 3/4; Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 / Под ред. В.С.Магуна. М.: Институт социологии РАН, 1998; A Revolution of Young People's Aspirations and Changes in Their Life Strategies, 1985-1995 / Ed. V.Magun // Russian Education and Society. 1999. Vol. 41. N 11; N 12; *Magun V.S. The Changes in Aspirations and Life Strategies of Russian and Ukrainian Youth During the Revolutionary Decade: 1985–1995 // From Pacesetters to Dropouts: Post-Soviet Youth in Comparative Perspective / Ed. T.Horowitz, B.Kotik-Friedgut, St.Hoffman. University Press of America. Lanham et. al., 2003.*

Реакция многих людей на эти публикации, свидетельствующая о резком росте притязаний, часто носила алармистский характер: "Бедные дети! Какое их ждет разочарование!" Конечно, риск разочарований и фрустраций является неизбежной платой за высокие притязания, но нам представляется, что как раз *недостаточная амбициозность* является сегодня серьезным тормозом индивидуального и общественного развития. Пока у людей не будет высоких запросов и притязаний, не будет и высоких достижений.

Спустя несколько лет после опубликования в 1993 г. наших выводов о резком повышении уровня потребительских и властных притязаний у молодежи, появилась серия публикаций Л.Д.Гудкова (одна из них в соавторстве с М.В.Пчелиной), свидетельствующих о росте денежных притязаний на протяжении 1993–1997 гг., причем в данном случае речь шла уже не о межпоколенческих изменениях, а главным образом об изменениях притязаний *одних и тех же людей*¹.

В статье Ю.Левады, опубликованной через несколько лет и тоже базирующейся на опросах ВЦИОМ, напротив, акцент сделан на ограниченности притязаний россиян и слова "человек ограниченный" даже вынесены в ее заглавие². Хотя конкретные выводы Ю.Левады не противоречат выводу о "революции притязаний", сделанному в публикациях по материалам нашего проекта, все же различие в акцентах очевидно. Возможно, причины этого частично связаны с характером эмпирического материала. Наши респонденты — это выпускники средних школ, и, как было показано в специальном исследовании, даже среди молодежи эта социальная категория отличается одним из самых высоких уровней притязаний³. Кроме того, вывод о резком повышении уровня притязаний был сделан применительно к концу 1980-х — началу 1990-х годов, а в статье Ю.Левады рассматриваются в основном данные начиная с 1997 г.

Теперь, благодаря материалам, собранным в 2001 г., мы имеем возможность продлить временной ряд сопоставлений и проследить *межпоколенные изменения притязаний и жизненных стратегий молодежи на протяжении более длительного периода (с 1985 по 2001 г.)*.

Этот период рассматривается социальными учеными как период глубоких социальных трансформаций или социальной революции⁴. Первый

наш опрос (1985 г.) был проведен как раз в канун этих фундаментальных изменений (их старт связывается с приходом к власти М.С.Горбачева и периодом "перестройки"). Последняя же серия опросов (в 2001 г.) была проведена после того, как, по мнению ряда наблюдателей, революционный период в России завершился, и с избранием В.Путина Россия вступила в постреволюционную фазу общественного развития.

Важнейшими экономическими событиями в период между опросами 1995 и 2001 гг. с точки зрения возможного влияния на уровень притязаний и представления молодежи о способах их реализации были острый финансовый кризис 1998 г., затронувший и Россию, и Украину, и начавшийся вслед за этим экономический рост (впервые после непрерывного спада, характерного для 1990-х годов).

Акцент в данной статье будет сделан не на исходные частные показатели, взятые непосредственно из ответов респондентов на отдельные вопросы анкеты (они были основным предметом анализа в прежних публикациях), а на производные интегральные показатели, являющиеся результатом комбинирования ответов на несколько различных вопросов¹. Интегральные показатели, которые будут использованы в статье, — это индивидуальные значения респондентов по факторам ("факторные индексы"), полученные в результате трех факторных анализов: притязаний (1), готовности к собственным жертвам (2) и ожиданий помощи со стороны (3). Первичные данные, собранные в 1985 г. в Киеве, к сожалению, не сохранились, и в отношении этого массива мы располагаем лишь распределениями ответов на вопросы анкеты. Поэтому данные 1985 г. в факторный анализ не могли быть включены, и факторные индексы используются только для сравнения между собой опросов, проведенных начиная с 1990–1992 гг. Для факторизации были отобраны ответы респондентов на те вопросы, которые с 1990–1992 гг. присутствовали в анкетах на всех трех этапах исследования, давали достаточную межиндивидуальную вариацию и были сопоставимы в разных временных точках.

Для оценки значимости межгрупповых различий средних величин в статье используется однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Поскольку дисперсии сравниваемых групп, как правило, не равны, то в рамках этого анализа чаще

¹ См.: Гудков Л.Д., Пчелина М.В. Бедность и зависть: Негативный фон переходного общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 31–42; Гудков Л.Д. Показатели статусной неудовлетворенности и их динамика // Там же. 1996. № 6. С. 45–50; Онже. Русский неоконсерватизм // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / Под ред. Т.И.Заславской. М., 1997.

² Левада Ю.А. "Человек ограниченный": Уровни и рамки притязаний // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 4. С. 7–13.

³ Магун В.С., Энговатов М.В. Жизненные притязания молодежи Самарской области // Молодежь Самарской области в 2002 г.: Современное положение и тенденции развития / Под ред. В.Б.Звоновского. Самара, 2003.

⁴ Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001; Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная революция в СССР. М.: ОГИ, 1998; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России 90-х: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. М.: Эдиториал УРСС, 2000. Т. 1; 2001. Т. 2.

¹ Подробный анализ исходных показателей предпринят авторами в работе: Магун В.С., Энговатов М.В. Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 гг. // Поколенческий анализ современной России / Под ред. Т.Шанина, Ю.А.Левады. М., 2004.

всего применяется критерий Тамхена. Значимыми считаются различия, начиная с вероятности ошибки 0,05, хотя фактически, если различие оказывалось значимым, то вероятность ошибки была существенно ниже — менее 0,01 или 0,001. ANOVA является достаточно жесткой процедурой оценки значимости. В пользу надежности различий, оказавшихся незначимыми, часто свидетельствует повторяемость этих отличий у разных категорий респондентов, в частности, повторяемость межпоколенной динамики притязаний и стратегий у молодежи, живущей в разных городах.

Структура и межпоколенная динамика уровня притязаний. Уровень притязаний обычно колеблется в определенном диапазоне¹. Учитывая данное обстоятельство, мы сформулировали вопросы так, чтобы актуализировать в сознании людей потребности, лежащие ближе к *нижней* границе диапазона: во всех случаях респондента спрашивали о том, что он считал бы *достаточным* для себя.

Для сообщения о своих притязаниях респондентам, как правило, предлагались наборы "закрытий". Например, на вопрос: "Какую должность Вы сочли бы для себя в будущем достаточной?" имелись следующие варианты ответов: 1 — рядовой работник; 2 — руководитель небольшого подразделения (бригадир, руководитель группы и т.п.); 3 — руководитель крупного подразделения на предприятии, в учреждении (начальник цеха, заведующий отделом); 4 — руководитель предприятия, учреждения; 5 — руководитель более высоких звеньев управления. Выбор того или иного варианта и характеризовал *уровень притязаний* респондента.

Факторный анализ на первом этапе определяет структурные взаимосвязи исходных признаков, а затем на этой основе формируются производные показатели (факторные индексы). Факторному анализу были подвергнуты шесть показателей, характеризующих притязания респондентов на определенную должность, уровень творческой работы², уровень социального при-

¹ Lewin K., Dembo T., Festinger L. Level of Aspiration // Personality and the Behavior Disorders / Ed. J. McV. Hunt. N.Y.: The Ronald Press, 1944 (фрагмент из этого текста на русском языке см: Левин К., Дембо Т., Фестингер Л., Сирс Р. Уровень притязаний // Психология личности. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1982); Нюттен Ж. Мотивация // Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1975. Вып. 5.

² Соответствующий вопрос звучал так: "В будущем Вас вполне устроит бы труд, который требует от работника...", можно было выбрать один из пяти ответов: от "выполнения хорошо освоенных приемов и правил, чтобы не тратить время на самостоятельный поиск новых решений" (балл 1) до "поиска исключительно новых решений, полной самостоятельности в выполнении своей работы" (балл 5).

Таблица 1
ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА ПОКАЗАТЕЛЕЙ УРОВНЯ ПРИТЯЗАНИЙ У РЕСПОНДЕНТОВ, ОПРОШЕННЫХ В 1990–2001 гг. (Москва, Киев, Орел, Мценск, Саратовская область, N= 2467 человек)

Показатели уровня притязаний	I фактор	II фактор
Достаточная должность	0,71	-0,25
Приемлемый уровень творческой работы	0,56	-0,23
Достаточная постройка на дачном участке	0,41	-0,18
Достаточное признание и уважение	0,50	-0,15
Достаточное число комнат	0,61	0,41
Предполагаемое число детей	0,24	0,86
Информативность факторов (в %)	28	18

знания¹, размер будущего жилища² и тип дачи³, а также ожидания, касающиеся числа будущих детей⁴. В массиве, объединяющем всех респондентов, опрошенных с 1990 по 2001 г., все эти притязания образовали два фактора⁵ (табл. 1).

В *первый из факторов* с одинаковыми по знаку и не слишком различающимися по абсолютной величине весами⁶ входят все показатели притязаний, и его можно интерпретировать как *общий (или генеральный) фактор высоких притязаний*: чем выше индивидуальные значения респондентов по данному фактору, тем выше все шесть показателей притязаний, входящие в этот фактор. Это значит, что все признаки в той мере, в

¹ "Что признание и уважение Вы сочли бы для себя достаточным в будущем?" 1 — только свое собственное; 2 — семьи, близких, друзей; 3 — большого круга знакомых; 4 — широкое общественное признание; 5 — всеобщий почет и уважением, признание потомков.

² "Какие жилищные условия Вы считаете достаточными для Вашей будущей семьи?" (Напишите) Квартиру (или дом) из ___ комнат на семью из ___ человек.

³ "Если Вы предполагаете в будущем иметь для себя и своей будущей семьи садовый участок, то какая постройка (дача) на нем была бы для Вас достаточна?" 1 — не предполагаю иметь участок; 2 — легкая временная постройка ("временка"); 3 — небольшой деревянный дом; 4 — большой деревянный дом; 5 — капитальный кирпичный дом.

⁴ Соответствующий вопрос звучал так: "Как Вы думаете, сколько у Вас будет детей?" Строго говоря, он характеризует ожидания, а не притязания респондентов, но в данном случае эти две характеристики, скорее всего, тесно связаны между собой и поэтому можно рассматривать ответ на указанный вопрос как приблизительную оценку притязаний.

⁵ Применялся общепринятый критерий для определения числа факторов — их собственное число должно быть больше 1.

⁶ Факторный вес ожидаемого числа детей заметно ниже, чем у остальных показателей; возможно, это как раз и связано с иной модальностью вопроса.

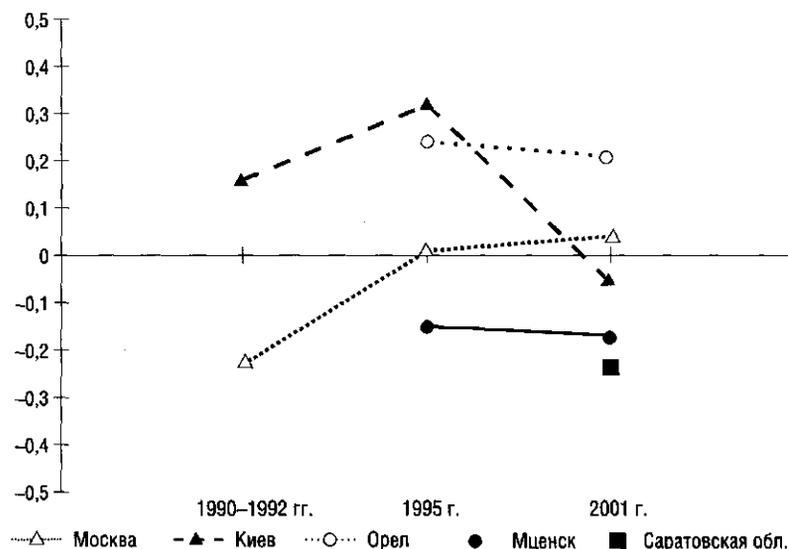
какой за них отвечает данный фактор, ведут себя одинаково: рост или снижение одного из видов притязаний сопровождается, соответственно, ростом или снижением всех остальных. Значит, анализ интегрального индекса, образованного на основе этого фактора, способен заменить анализ шести отдельных показателей в той их части, которая описывается данным фактором.

Второй фактор — биполярный: два показателя (ожидаемое число детей и притязания на размер будущего жилья) входят в него с положительными знаками, а четыре остальных — с отрицательными. По абсолютным величинам нагрузки различных признаков сильно отличаются: доминируют веса признаков, характеризующих число ожидаемых детей и размер основного жилища, значительно меньшие веса у признаков, связанных с притязаниями в сфере труда и общественного признания. Этот второй фактор можно интерпретировать как *параметр высоких притязаний в семейной сфере с тенденцией к взаимно-обратным отношениям с притязаниями в сфере труда* (именно с тенденцией, поскольку эта вторая группа показателей имеет значительно меньшие веса)¹.

По обоим обнаруженным факторам каждому респонденту были приписаны оценки.

На рисунке 1 показана динамика *общего (генерального) фактора притязаний* в 1990–2001 гг. в отдельных городах. Как видим, на протяжении первой половины 1990-х годов общий уровень притязаний старшеклассников значительно вырос, причем в Москве этот рост был статистически значим. (Это согласуется с динамикой отдельных показателей притязаний, описанной в предшествующих публикациях.) Новым же на рисунке 1 являются тенденции второй половины 1990-х годов, и они, как видим, отличаются от того подъема, который был характерен для 1985–1995 гг. Динамика изменений в 1995–2001 гг. в разных городах совпадала не полностью, но ни в одном из них не наблюдалось статистически значимого роста обобщенного фактора притязаний. В Киеве средний индекс обобщенного

Рисунок 1
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНДЕКС ПРИТЯЗАНИЙ (средние значения первого фактора, 1990–2001 гг.)

уровня притязаний резко и статистически значимо снизился, а в трех остальных городах изменения оказались очень невелики и статистически незначимы.

Таким образом, с 1995 по 2001 г. роста обобщенного индекса притязаний не наблюдалось, а в отдельных географических точках имело место даже его снижение. Само по себе отсутствие динамики не заслуживало бы, возможно, специального внимания, если бы не контраст с десятью предшествующими годами, на протяжении которых притязания юношей и девушек неуклонно росли. Налицо смена тенденций: рост уровня притязаний, наблюдавшийся с конца 1980-х годов, сменился консервацией или даже снижением достигнутого уровня.

Первоначальный взлет уровня притязаний объясняется изменениями, произошедшими в конце 1980-х — начале 1990-х годов в социально-культурных, экономических и политических основах жизни бывшего советского общества. На основе этих изменений, поначалу достаточно ограниченных, возникло общее настроение социального оптимизма и даже эйфории в отношении возможностей нового общественного строя, который должен был прийти на смену государственному социализму¹. Представления о новом общественном устройстве формировались под влиянием описанного в психологии

¹ Мы предположили, что высокие значения по этому фактору чаще характерны для девушек, а низкие — для юношей, что соответствовало бы социальным стереотипам в отношении этих двух гендерных групп. Но это предположение не подтвердилось.

¹ Обратим внимание, что бурный рост притязаний происходил уже в конце 1980-х годов, т.е. предшествовал августу 1991 г. Это, кстати, согласуется с идеей Дж. Дэвиса о том, что рост притязаний является необходимой предпосылкой социальной революции (См.: Davies J.C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review, 1962. Vol. 27. P. 5-19).

"принципа удовольствия". Важнейшей составляющей этих представлений был более высокий, чем при социализме, уровень возможных жизненных результатов и логически дополняющая его большая легкость их достижения.

Конкретные социальные механизмы, обеспечившие повышение уровня притязаний, были связаны со снятием барьеров на пути движения информации, людей и товаров между развитыми капиталистическими странами и бывшим Советским Союзом. Российским и украинским гражданам открылось и стало для них *референтным* новое, "западное", пространство с более высокими стандартами достижений, уровня и качества жизни. Эти новые образцы, сначала доступные только через средства массовой коммуникации, постепенно начали проникать и на территорию бывшего Советского Союза и воздействовать на людей, становясь элементами их повседневной среды обитания, как, например, товары, лежащие на прилавке магазина, или иностранные автомобили, движущиеся по городским улицам. Уже не на Западе, а в его собственной стране и в собственном городе начали формироваться новые социальные группы, становившиеся для человека референтными¹. При этом *цены*, которые платили за достижение этих благ люди, являвшиеся объектом подражания, т.е. неотделимые от соответствующих благ трудовые и иные затраты первоначально оставались скрытыми, что вообще характерно для восприятия людьми чужих затрат².

Одновременно возникали новые ресурсы, способствовавшие реализации этих новых уровней достижений, и отменялись многие социальные ограничения, данным достижениям препятствовавшие (запрет на предпринимательство, ограничения товарно-денежных обменов, свободы выезда за границу и других видов территориальной и социальной мобильности, свободы слова и политической деятельности и т.п.). Все это составные части процессов разрушения тоталитаризма и освобождения личности, происходивших в бывшем Советском Союзе с 1985 г. и повлиявших на про-

¹ То, что референтными при формировании притязаний молодежи были не столько родительские семьи, сколько более отдаленные социальные общности — "западные", а потом и отечественные, позволяет понять парадоксальную ситуацию взлета уровня притязаний молодежи в тот самый период, когда жизнь многих семей ухудшалась.

² В уже упоминавшейся статье Ю. Левада отмечает, что в конце 1980-х — начале 1990-х годов советским и постсоветским обывателям стали доступны "витрина" и "прилавок" сегодняшней западной цивилизации, но не ее "кухня" и "фабрика" (см.: Левада Ю.А. "Человек ограниченный": Уровни и рамки притязаний. С. 12). Кухня и фабрика — это как раз те места, где совершаются основные затраты ресурсов и, фигурально выражаясь, проливаются невидимые миру слезы.

цесс социализации поколений юношей и девушек, оканчивавших среднюю школу в начале и в середине 1990-х годов.

Формировались и новые социальные нормы, *предписывающие* высокий уровень притязаний. Так, в 2001 г. подавляющее большинство (более 85%) опрошенных нами выпускников школ соглашались с тем, что "всегда надо стремиться к большему: чем выше ставишь для себя планку, тем большего достигнешь в жизни и больше получишь от нее". Скорее всего, массовое распространение этой и подобных норм можно отнести к тому же периоду конца 1980-х — начала 1990-х годов, когда происходил общий идеологический поворот в бывшем советском обществе, и влияние этих социальных норм было еще одной причиной описанного выше роста притязаний.

Стагнацию и даже некоторое снижение уровня притязаний молодежи, наступившую во второй половине 1990-х годов можно объяснить тем, что первоначальный всплеск общественных ожиданий и идея богатства возможностей, открываемых новым общественным строем, постепенно дополнялись более трезвым осознанием ранее скрытых барьеров и цен, ограничивающих возможные достижения как общества в целом, так и отдельных его членов. Сформировалось мнение о гораздо более медленной, чем ожидалось, скорости позитивных социальных изменений¹.

Подобное изменение общественных настроений происходило под влиянием множества событий, важнейшим из которых был финансовый кризис 1998 г. Он заставил и элиты, и массовые слои населения в России и Украине остро осознать упомянутые барьеры и ограничения. Трудно преодолимыми ко второй половине 1990-х годов стали выглядеть и границы между разными социальными стратами.

В то же время возврата к уровню притязаний, который был характерен для поколения, опрошенного в 1985 г., не произошло. Даже более умеренные притязания образца 2001 г. резко превосходят те, которые были присущи "доперестроечной" молодежи. Об этом наглядно свидетельствует динамика отдельных видов притязаний молодых киевлян и москвичей, представленное о которой дает рисунок 2.

На рисунке 3 изображена динамика средних оценок *второго интегрального индекса притязаний*. Итоговая (с 1990—1992 по 2001 г.) динамика значений этого фактора в Москве и Киеве ука-

¹ Гордон ПА. Времена и сроки демократических перемен: Тяжкая медлительность исторического движения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 5.

зывает на снижение жилищно-семейных притязаний и сопровождающий его некоторый рост притязаний в сфере труда (различия по Москве статистически значимы: 1990–1991 гг. существенно отличаются от 1995 и 2001 гг.). Таково же направление динамики в Орле и Мценске.

Причины этого снижения, по-видимому, те же, что и снижения генерального индекса притязаний. Но в данном случае они касаются наиболее дорогого и труднодоступного блага, каковым является жилье, с которым, в свою очередь, связан процесс создания собственной семьи. В Москве, где жилье особенно дорого, снижение соответствующих притязаний резко проявилось уже в первой половине 1990-х годов.

Структура и межпоколенная динамика готовностей к собственным жертвам и усилиям. Чтобы оценить готовность молодых людей к собственным жертвам и усилиям, им была предложена серия вопросов о том, согласятся ли они ради осуществления своих жизненных планов разлучаться с семьей, выполнять физически тяжелую или вредную, или монотонную работу, жертвовать своим свободным временем, выполнять работу, связанную с опасностью для жизни, усердно учиться в "трудном" институте, переучиваться и осваивать новую профессию и т.п. Предлагалось три варианта ответов: "скорее нет" (несогласие на трудности и жертвы, оцениваемое баллом "1"), "трудно сказать" (полусогласие—полунесогласие, оцениваемое баллом "2") и "скорее да" (согласие, оцениваемое баллом "3").

Обратимся к структурным взаимосвязям между готовностями к различным жертвам и трудностям и анализу соответствующих факторных индексов. В таблице 2 приводятся два первых, наиболее информативных фактора (всего в матрице оказалось четыре фактора, собственное число которых превышало 1).

С *первым* из этих факторов положительно связаны все 15 показателей готовности к жертвам и

Рисунок 2
МЕЖПОКОЛЕННАЯ ДИНАМИКА ПРИТЯЗАНИЙ НА ДОЛЖНОСТЬ, ЗАГОРОДНЫЙ ДОМ И РАЗМЕР ОСНОВНОГО ЖИЛИЩА В КИЕВЕ И МОСКВЕ (1985–2001 гг.)

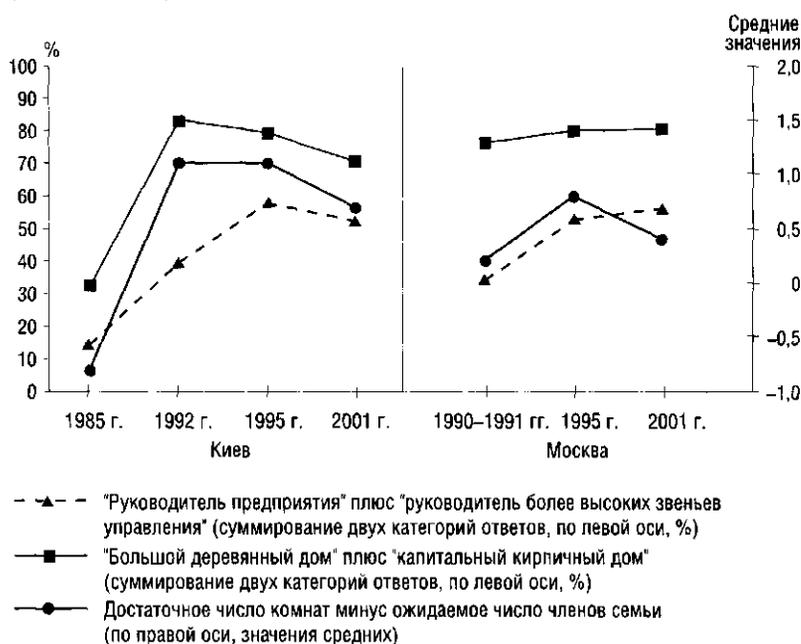
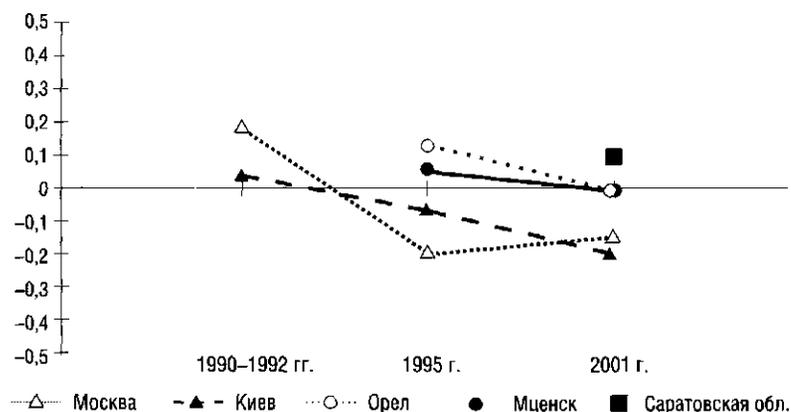

Рисунок 3
ФАКТОР ВЫСОКИХ ПРИТЯЗАНИЙ В СФЕРЕ СЕМЬИ (средние значения, 1990–2001 гг.)

преодолению трудностей. Наибольшие веса имеют показатели готовности к работе в условиях сурового климата, к физически тяжелому труду, опасной работе, к работе, требующей жертвовать свободным временем и отдыхом. Существенно, что с данным фактором тесно связаны разные типы жертв и трудностей: заметные положительные веса имеют, с одной стороны, такие показатели, как готовность трудиться в условиях сурового климата, выполнять физически тяжелую и вредную работу, а с другой — такие показатели, как готовность учащихся усердно учиться в "трудном" вузе, а также их

Таблица 2

ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА ГОТОВНОСТЕЙ К СОБСТВЕННЫМ ЖЕРТВАМ И УСИЛИЯМ У РЕСПОНДЕНТОВ, ОПРОШЕННЫХ В 1990–2001 гг. (Москва, Киев, Орел, Мценск, Саратовская область, N=2467 человек)

Виды жертв	I фактор	II фактор*
Выполнять работу низкой квалификации, ниже уровня Ваших способностей и умений	0,37	0,52
Выполнять однообразную, монотонную работу	0,30	0,36
Работать в условиях, вредных для здоровья	0,45	0,28
Пожертвовать чувствами при заключении брака	0,18	0,23
Работать в условиях сурового климата	0,63	0,21
Выполнять физически тяжелую работу	0,58	0,11
Выполнять работу, которая потребует частой разлуки с семьей	0,52	0,03
Выполнять работу, связанную с частой переменой места жительства	0,47	0,00
Выполнять работу интересную, но на которой трудно рассчитывать на высокую материальную обеспеченность	0,30	-0,02
Выполнять опасную работу	0,57	-0,02
Выполнять работу, которая требует, чтобы Вы часто жертвовали свободным временем, отдыхом, досугом	0,60	-0,13
Переучиваться, осваивать новую профессию	0,31	-0,21
Не заводить семью, пока не достигнете определенного уровня образования, материального и социального положения	0,24	-0,42
Выполнять работу с повышенной ответственностью	0,45	-0,45
Усердно учиться в "трудном" институте	0,42	-0,52
Информативность факторов (в %)	20	

* Для удобства дальнейшего сопоставления с факторами ожиданий помощи знаки факторных нагрузок во втором факторе данной матрицы изменены на противоположные, что, конечно, никак не сказывается на содержательной трактовке материала.

готовность к работе с повышенной ответственностью, оставляющей мало свободного времени для отдыха и досуга. Данный фактор, таким образом, является *общим (генеральным, универсальным) параметром готовности к преодолению различных жизненных трудностей*.

Второй из рассматриваемых факторов более сложен по своей структуре: одна группа признаков входит в него с положительными, а другая — с отрицательными нагрузками. Общий смысл показателей, связанных с фактором *положительно*, — это готовность человека к физическим (тяжелая работа, условия сурового климата), информационным (однообразная работа) и эмоциональным (чувства при заключении брака) *лишениям*, а также к лишению себя возможности полностью использовать имеющиеся способности, реализовать свой потенциал (соответствующий показатель имеет наиболее выраженную положительную нагрузку). Общий же смысл показателей, имеющих по фактору *отрицательные* нагрузки, состоит, наоборот, в том, чтобы *накапливать* новые умения и способности (усердно учиться в "трудном" институте, осваивать новую профессию), обеспечивать для этого необходимые условия (откладывать создание

семьи) и полностью реализовывать накопленный потенциал (выполнять работу с повышенной ответственностью).

Идея на физически тяжелую, вредную, монотонную работу или на брак по расчету (симптоматично, что установки в сферах труда и семейной жизни оказались взаимосвязаны), на недоиспользование имеющихся способностей, человек тем самым ухудшает свои физические качества, свое эмоциональное состояние и утрачивает свои способности как работника, поскольку неиспользуемые знания и навыки забываются. Хотя он получает за это те или иные блага, но не развивается и, более того, утрачивает даже то, чем располагал ранее как субъект жизнедеятельности. Соглашаясь же учиться и переучиваться, откладывать брак или идти на ответственную работу, человек тоже испытывает лишения, в частности, жертвует отдыхом и досугом, но при этом поддерживает имеющиеся у себя способности и накапливает новые, развивается, сохраняет и наращивает свой человеческий капитал.

В итоге рассматриваемый параметр можно назвать фактором взаимно-обратных соотношений между двумя стратегиями достижения успеха — стратегией жертвы своими качествами и

способностями и стратегией сохранения и приумножения своих способностей (человеческого капитала)¹.

На рисунках 4 и 5 приводятся средние значения описанных выше факторов, характеризующие молодежь нескольких поколений в различных географических точках.

Как видим, межпоколенная динамика каждого из рассматриваемых интегральных индексов оказалась в разных городах практически одинаковой.

Что касается *генерального фактора* готовностей к жертвам (см. рис. 4), то в первой половине 1990-х годов его средние значения снижались. При переходе же от 1995 к 2001 г. направление изменений интегрального показателя готовности резко изменилось, он начал расти и в результате у поколения 2001 г. готовность идти на жертвы и преодолевать трудности превысила значения не только 1995 г. (различия по объединенному массиву четырех городов статистически значимы), но и 1990–1992 гг.

Это значит, что выпускники школ в середине 1990-х годов были *менее* склонны идти на жертвы и преодолевать трудности, чем их сверстники в начале 1990-х годов (и тем более в середине 1980-х годов), но затем тенденция сменилась на противоположную, и учащиеся, заканчивавшие школу в 2001 г., демонстрировали уже гораздо большую готовность к жертвам, чем их сверстники не только в середине, но и в начале 1990-х годов².

¹ Эти две стратегии были ранее описаны одним из авторов этой статьи как "стратегия уступок в качестве жизни" и "стратегия накопления человеческого капитала". См.: Магун В.С. Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г.

² В связи с отсутствием первичных данных мы не имеем возможности вычислить значения этого интегрального показателя для киевской выборки 1985 г. Но судя по сопоставлениям частных показателей готовности к жертвам, можем заключить, что в 2001 г. полного возврата к уровню 1985 г. (в абсолютном смысле не столь уж высокому) не произошло: в 9 из 10 случаев показатели готовности к собственным усилиям были в 2001 г. ниже, чем в 1985 г., а итоговый средний разрыв составил 0,2 балла, что примерно в 10 раз превышает величину ошибки средних.

Рисунок 4
ГОТОВНОСТЬ К СОБСТВЕННЫМ ЖЕРТВАМ И УСИЛИЯМ
(средние значения генерального фактора, 1990-2001 гг.)

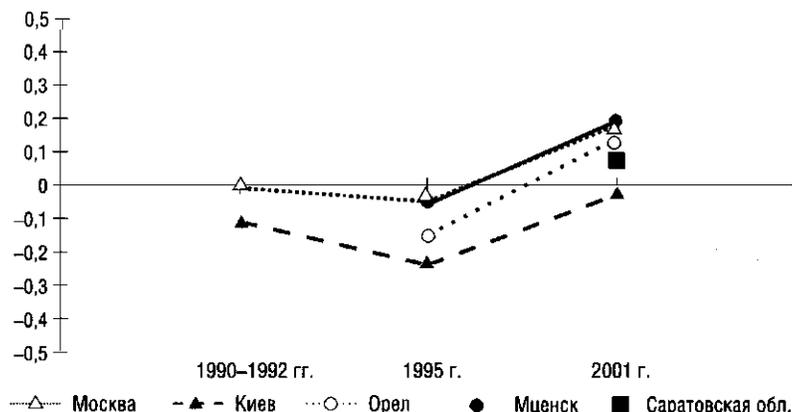
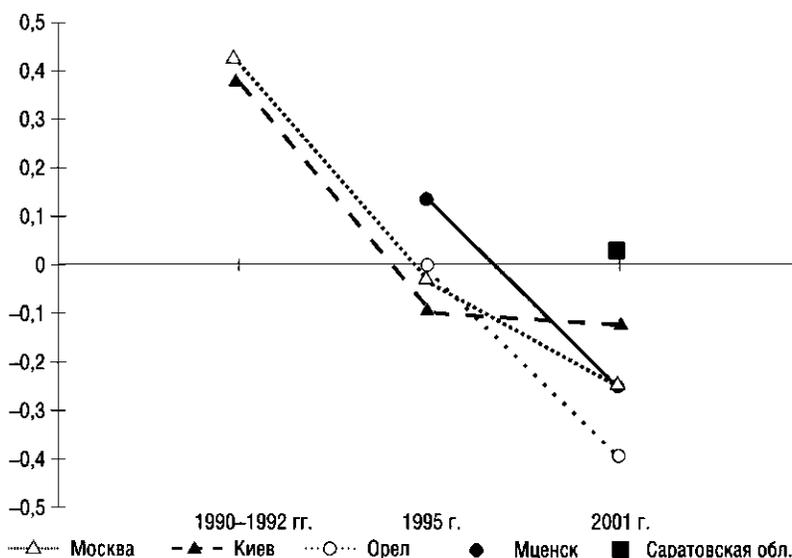

Рисунок 5
ФАКТОР "ТРУДНОСТИ УЧЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ (-) VS
ПРЕОДОЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКИХ, ИНФОРМАЦИОННЫХ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ
ЛИШЕНИЙ (+)" (средние значения, 1990-2001 гг.)

Средние значения *второго фактора*, описывающего конфликт двух стратегий при выборе человеком собственных жертв — стратегии сохранения и накопления человеческого капитала (саморазвития) и стратегии жертвы своим человеческим капиталом, с 1990 по 2001 г. во всех исследуемых географических точках неуклонно *снижались* (см. рис. 5), и это означает, что у каждого следующего поколения выпускников школ баланс все больше сдвигался в пользу стратегии накопления человеческого капитала (значимыми являются различия в Москве и Киеве между оценками 1990–1992 и 1995 гг., а в Орле, Мценске и объединенном массиве че-

тырех городов — между оценками 1995 г. и 2001 г.).

Описанные изменения факторов в целом согласуются с тем, что было выявлено ранее при анализе динамики *отдельных* готовностей. Для объяснения ведущей тенденции, характеризующей динамику обобщенной (универсальной) готовности к жертвам и преодолению трудностей, напомним, что высокий уровень возможных жизненных результатов и логически дополняющее его представление о легкости их достижения были следствием общего настроения социального оптимизма в отношении возможностей нового общественного строя, возникшего в советском обществе в конце 1980-х - начале 1990-х годов и обеспечившего в конечном счете успех социальной революции. Сдвиг в сознании молодежи заключался, таким образом, в *общем* изменении картины будущей жизни к лучшему, и он затрагивал не только притязания, но и средства их достижения. Смысл этого сдвига состоял в том, что можно достичь большего и ценой меньших собственных усилий. В свете этих соображений и может быть понято общее снижение на протяжении 1985—1995 гг. готовности молодежи к собственным усилиям.

Точно так же и причины перелома в динамике отношения молодежи к жизненным трудностям, который наступил во второй половине 1990-х годов, совпадают с причинами изменения динамики уровня притязаний в тот же период. Подобно тому, как "принцип удовольствия" на начальном этапе быстрых социальных изменений одновременно влиял и на рост притязаний, и на снижение ожидаемых затрат, ассигнуемых на их достижение, "принцип реальности", позволяющий более трезво осознавать трудности и ограничения, привел на более позднем этапе одновременно и к снижению притязаний, и к росту готовности больше "платить" за их достижение.

Для объяснения "тенденции второго плана", т.е. сдвига в пользу стратегии поддержания и накопления способностей и квалификации (человеческого капитала) при одновременном отказе молодых людей от стратегии саморазрушения, стоит учесть, что в советскую эпоху сам по себе квалифицированный труд, как правило, не обеспечивал работнику высокого уровня благосостояния, наоборот, квалифицированная часть средних слоев оказывалась "в наиболее невыгодных условиях"¹. Поэтому жертва условиями и содержанием труда была наиболее распространенным способом заметно повысить доход. Но в

ходе социальных трансформаций, стартовавших в конце 1980-х годов, ситуация начала меняться, и общество все в большей степени стало активно вознаграждать некоторые виды квалифицированного профессионального труда, отказавшись от существовавших ранее "потолков" заработка и дохода. Это и привело к тому, что молодые люди стали все чаще видеть путь реализации своих притязаний не в жертвах "экстенсивного" характера, типичных для советского времени, а в жертвах и усилиях, направленных на приобретение высшего образования, которое, в свою очередь, улучшало их положение на рынке труда.

В России и в других постсоциалистических странах "отдача" на образование в виде прироста заработной платы на каждый дополнительный год обучения действительно заметно выросла в первой половине 1990-х годов, по сравнению с временами социализма¹. "Отдача" на образование вообще и на высшее образование, в частности, устойчиво росла на протяжении всего периода 1990-х годов и приблизилась к уровню, характерному для экономически развитых стран. Например, в 2000 г. в России каждый дополнительный год обучения в вузе сопровождался увеличением заработной платы более чем на 12%².

Говоря языком социогеографии, наиболее демократичным и лишенным моральных издержек способом заработать деньги в Советском Союзе была напряженная работа "на Севере" или "на Востоке", т.е. в неблагоприятных природных условиях. Кроме того, для части молодых людей "Север" и "Восток" страны приобретали и романтическую окраску, представлялись тем пространством, где молодой человек мог испытать себя. Сегодня же мечты о благосостоянии связываются в сознании молодежи прежде всего с "Западом", который ассоциируется у нее как раз с наиболее благоприятными социально-экономическими и природными условиями, а также с достойными условиями труда для квалифицированных специалистов³.

Часть молодых людей не возражали бы учиться и работать на Западе, переехав туда насовсем

¹ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Научка, 1995. С. 210.

¹ Nesterova D., Sabirianova K. Investment in Human Capital under Economic Transformation in Russia. EERC Working Paper Series. 1999. N99/04.

² Sabirianova K. Skill-Biased Transition: The Role of Markets, Institutions, and Technological Change (Доклад на конференции "Микроэкономический анализ перераспределения рабочей силы". Мичиган. Август 2003 г. Метод доступа: <<http://www.upjohninstitute.org/confindex.htm>>).

³ В России и Украине центрами притяжения для молодежи сегодня стали Москва и Киев, которые и социально, и географически ближе к Западу, нежели к Северу или Востоку (см.: Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Миграция // Население России, 2001. 9-й ежегодный демографический доклад. М., 2002).

или на время¹. Но не менее сильно желание работать, "как на Западе", у себя на родине, где "западные", "капиталистические", "цивилизованные" условия труда предлагают уже не только иностранные, но и продвинутые отечественные компании, достойно вознаграждающие квалификацию и ответственность своего персонала.

Структура и динамика ожиданий помощи. Чтобы оценить ожидания учащихся, касающиеся помощи в реализации притязаний, после заданных им вопросов о соответствующих притязаниях их спрашивали: "В какой мере при осуществлении этих планов [уточнялось, каких] Вы можете рассчитывать на помощь родителей, родственников, друзей и знакомых?" Респондентам предлагалась шкала (варианты: "на помощь не рассчитываю" — 1 балл, "рассчитываю на некоторую помощь" — 2 балла, "рассчитываю на значительную помощь" — 3 балла). При этом психологические образования, стоящие за ответами респондентов, об их расчетах на помощь, могли различаться: это могли быть как пассивные ожидания (упования на помощь), так и ожидания, связанные с намерениями респондента активно привлекать внешние ресурсы. Большинство средних оценок колеблется в районе двух баллов, что соответствует варианту ответа "рассчитываю на некоторую помощь".

Факторному анализу были подвергнуты шесть показателей, которые образовали два фактора (табл. 3).

В *первый фактор* (его информативность — 40%) с высокими и примерно одинаковыми положительными весами входят все шесть ожиданий помощи. Лица с высокими значениями этого фактора рассчитывают на сравнительно заметную помощь в получении образования, в осуществлении планов, связанных с будущей работой, а также в получении признания, приобретении жилья и дачи и в реализации планов жизни за границей. Те же, кто имеет низкие значения по данному фактору, рассчитывают на меньшую помощь в достижении всех этих благ или не рассчитывают на нее вовсе. Данный фактор, таким образом, является *обобщенным (генеральным, универсальным) параметром ожиданий помощи в реализации жизненных притязаний*.

Во *второй фактор* (его информативность — 18%), как и в случае с готовностями идти на

¹ 70% отвечавших на вопросы нашей анкеты в 2001 г. российских респондентов хотели бы поехать за границу на временную работу, 42 — учиться, 53 — на постоянное место жительства, если будет работа по специальности, 19% — уехать в любом случае. В Киеве соответствующие цифры несколько выше: 72, 57, 58 и 29%.

Таблица 3

**ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА ОЖИДАНИЙ
РЕСПОНДЕНТАМИ РАЗЛИЧНОЙ ПОМОЩИ ОТ
РОДИТЕЛЕЙ, РОДСТВЕННИКОВ, ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХ**
(Москва, Киев, Орел, Миценск, Саратовская область,
1990-2001 гг., N=2467 человек)

Направления помощи	I фактор	II фактор
В осуществлении планов, связанных с будущей работой	0,69	-0,45
В осуществлении планов, связанных с образованием	0,68	-0,46
В достижении признания и уважения	0,64	-0,22
В приобретении жилья	0,62	0,31
В приобретении загородного дома	0,56	0,56
В осуществлении планов жизни за границей	0,57	0,44
Информативность факторов (в %)	40	18

жертвы, одна группа признаков входит с положительными, а другая — с отрицательными нагрузками. Положительно с фактором связаны ожидания помощи в приобретении дачи, городского жилища и в осуществлении планов жизни за границей, отрицательно — ожидания помощи в получении образования, в реализации планов, связанных с будущей работой и получением искомого признания.

Можно предположить, что критерием, разделяющим две группы ожиданий помощи, является содержание задач этой помощи, направлена ли она *на приобретение конечных благ* (результатов) или же *на приобретение ресурсов* (средств, инструментов)¹. Действительно, работа с хорошим заработком, хорошее высшее образование, позволяющее находить подобные рабочие места и удерживаться на них, а также хорошая репутация ("уважение и признание") как раз и являются ресурсами для приобретения потребительских благ (в том числе таких дорогих, как городское жилье и дача) и условиями, благоприятствующими успешной работе и жизни за границей.

¹ Таким образом, исходное для статьи упрощенное деление потребностей и благ на целевые ("притязания") и инструментальные ("ресурсные стратегии") усложняется, ибо оказывается, что сами выбранные для анализа притязания раздваиваются на целевые и инструментальные. В этом нет ничего неожиданного, так как понятия целевых и инструментальных потребностей и благ относительно, а сами эти потребности и блага образуют многопорядковые целеинструментальные цепочки. (см.: Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л.: Наука, 1983).

Рисунок 6
ОЖИДАНИЯ ПОМОЩИ СО СТОРОНЫ РОДИТЕЛЕЙ, РОДСТВЕННИКОВ, ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХ (средние значения генерального фактора, 1990-2001 гг.)

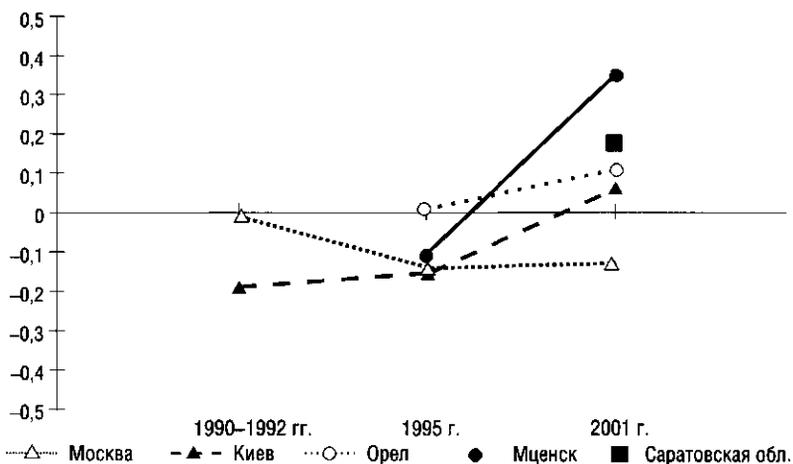
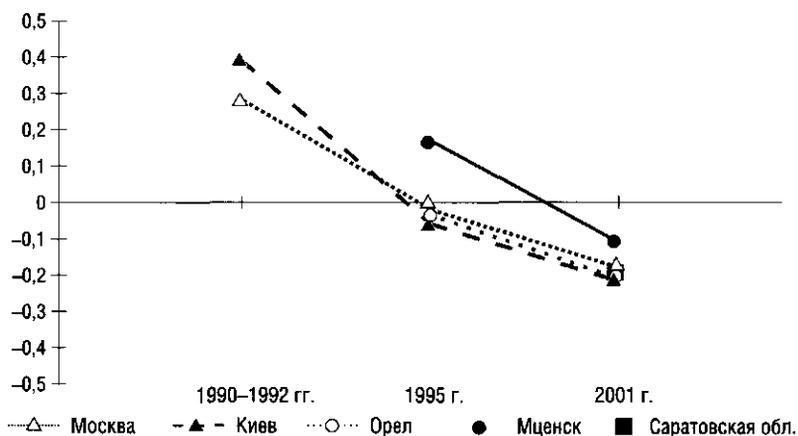

Рисунок 7
ОЖИДАНИЯ ПОМОЩИ СО СТОРОНЫ РОДИТЕЛЕЙ, РОДСТВЕННИКОВ, ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХ: ФАКТОР "ПОМОЩЬ В ПРИОБРЕТЕНИИ КОНЕЧНЫХ БЛАГ (+) VS ПОМОЩЬ В ПРИОБРЕТЕНИИ РЕСУРСОВ (-)" (средние значения, 1990-2001 гг.)

В таком случае противостояние двух указанных групп показателей в данном факторе свидетельствует о том, что значительная часть респондентов осуществляют выбор: просить ли и ждать помощи родителей в приобретении конечных благ или же мобилизовывать эту помощь и рассчитывать на нее для решения иной задачи — приобретения универсальных собственных ресурсов, каковыми являются хорошее образование, хорошая работа и уважение окружающих¹. Поскольку эти два вида помощи заменяют друг друга, постольку в со-

¹ Фактически речь идет о варианте знаменитой дилеммы — подарить ли человеку рыбу или же подарить удочку, научив его пользоваться.

знании молодых людей они выступают как альтернативы.

Итак, рассматриваемый фактор можно было бы назвать *фактором взаимно-обратных соотношений между двумя группами ожиданий помощи — помощи в приобретении конечных благ и помощи в овладении универсальными собственными ресурсами, позволяющими эти блага впоследствии получить.*

Межпоколенная динамика *первого (генерального) фактора* (рис. 6) в целом свидетельствует о росте ожиданий помощи. Средние оценки этого фактора в рамках объединенного массива данных по четырем городам в 2001 г. заметно выше, чем в 1995 г.: в новых социально-экономических и социокультурных условиях молодежь рассчитывает на большую помощь со стороны родителей, а также друзей, родственников и знакомых, чем в середине 1990-х годов и чем в 1985 г., в условиях прежнего советского общества.

Но оказывается, что в Москве изменения обобщенного индекса ожиданий помощи шли вопреки общей тенденции, характерной для молодежи других городов. В первой половине 1990-х годов ожидания помощи в Москве снижались (в Киеве подобного снижения не было), а во второй половине 1990-х годов средние оценки ожиданий в Москве практически не изменились. *В итоге в Москве оценки ожидаемой помощи в 2001 г. оказались ниже, чем в это же время в трех других городах (различия с*

Мценском статистически значимы), и ниже, чем в Москве начала 1990-х годов.

Межпоколенные изменения *второго фактора*, описывающего конфликт между ожиданиями двух разных видов помощи — "результатной" и "ресурсной", во всех обследованных городах одинаковы и однонаправлены. С 1990 по 2001 г. средние значения данного фактора неуклонно снижались, т.е. у каждого следующего поколения выпускников школ баланс все больше сдвигался в пользу ожиданий "ресурсной" помощи в ущерб помощи "результатной" (рис. 7; статистически значимы эти сдвиги в первой половине 1990-х годов как в Москве, так и в Киеве, а также по объединенному массиву четырех городов — с 1995 по 2001 г.).

При попытке объяснить *межпоколенные изменения первого (генерального) фактора помощи* сразу возникает следующая трудность. Она состоит в том, что вторая половина 1980-х и вторая половина 1990-х годов — два периода, которые резко различались по своему социально-психологическому воздействию на *притязания и готовность молодежи к собственным усилиям*, характеризуются *одной и той же динамикой ожиданий помощи*: в оба эти периода ожидания помощи во всех обследованных городах, кроме Москвы, растут.

Ключом к преодолению этой трудности, возможно, является описанный одним из нас ранее факт наличия двух типов соотношений между ожиданиями помощи и готовности к собственным усилиям, за которыми стоят и два разных по своим социально-психологическим механизмам типа отношения человека к чужой помощи. В одном случае — это пассивное ожидание чужого участия, а в другом — активное генерирование чужой помощи, т.е. комбинированное использование индивидом ресурсов как собственных, так и социального окружения. Внешне одинаковый рост ожиданий помощи можно отнести на счет этих разных механизмов: в конце 1980-х годов оценки ожидаемой помощи могли быть индикаторами пассивной стратегии, а их рост выражал стремление человека уравновесить свое нежелание идти на жертвы и преодолевать трудности (в контексте "принципа удовольствия"). В конце же 1990-х годов в тех же самых показателях, возможно, возрос вес иной, активной стратегии молодых людей, которые не просто уповали на помощь, но и организовывали ее. Поэтому не случайно рост ожиданий помощи сопровождался в этот период не снижением, а *повышением установок на собственную активность*. Как бы то ни было, поколение выпускников 2001 г. в большей мере, чем их предшественники, склонно к мобилизации *как своих, так и чужих ресурсов* для реализации притязаний, достижение которых стало представляться им процессом более трудным, чем раньше.

Особая динамика ожиданий помощи в Москве, вероятно, связана с общепризнанными отличиями ее как "города больших возможностей", города, благоприятствующего индивидуальным достижениям, что, должно быть, и позволило молодым москвичам обойтись в конце 1990-х годов только повышением готовности к собственным усилиям и не потребовало в дополнение к этому еще и мобилизации ресурсов окружающих.

Для объяснения межпоколенной динамики *второго* фактора ожиданий помощи сошлемся на вывод о том, что новый общественно-экономический строй оказался более меритократич-

НЫМ и что в новых социально-экономических условиях 1990-х годов в большей степени, чем в условиях советского общества, стала вознаграждаться профессиональная квалификация и продуктивность работника. В связи с этим, естественно, стали менее вознаграждаться различные характеристики, которые не столь сильно, как квалификация, связаны с продуктивностью — прежде всего стаж и тесно коррелирующий с ним *возраст*¹.

Отсюда следует, что в современных условиях молодые люди, если они имеют хорошую квалификацию и работу, вполне могут заработать деньги на приобретение разнообразных потребительских благ. Это происходит потому, что, во-первых, в рыночной экономике сняты характерные для советского времени ограничения на личные заработки и доходы, и во-вторых, произошло перераспределение доходов между поколениями в пользу молодежи, вызванное отмеченными выше противоположно направленными сдвигами в отдаче на образование и стаж.

Каждое следующее поколение молодежи на протяжении 1990-х годов все яснее осознавало, с одной стороны, свои постоянно возрастающие возможности, предоставляемые хорошим образованием и хорошей работой, с другой — снижающиеся возможности родителей *напрямую* помочь в приобретении жилья и других потребительских благ. Логическим выводом из этого и стало перераспределение предпочитаемых "потоков" родительской помощи в пользу хорошего образования, работы и репутации.

Немаловажным аргументом в пользу подобного перераспределения стало и то, что для оказания подобной помощи родители могут использовать не только и даже не столько дефицитные для них материальные и финансовые ресурсы, сколько имеющиеся в их распоряжении запасы человеческого, морального и социального капитала.

Выводы. С 1990-1992 по 1995 г. продолжались тенденции изменений, характерные для второй половины 1980-х годов: росли притязания и снижалась готовность молодежи к собственным жертвам и усилиям по преодолению трудностей. Но с 1995 по 2001 г. эти тенденции изменились: несколько снизились притязания (или как минимум прекратился их рост) и возросли готовности молодых людей к собственным жертвам и усилиям. В то же время сущест-

¹ В уже упоминавшейся публикации Д.Нестерова и К.Сабирьянова приведены факты, свидетельствующие о снижении в процессе социально-экономических преобразований 1990-х годов "отдачи" от общего трудового стажа в виде прироста заработка (Nesterova D., Sabirianova K. Op. cit.).

венно, что возвратные тенденции, характерные для притязаний и готовности к собственным жертвам, не вернули эти показатели к значениям 1985 г., сохранив существенную часть изменений, накопленных с 1985 по 1995 г.

Первоначальный взлет уровня притязаний и снижение готовности людей идти на жертвы ради их воплощения в жизнь является результатом социально-культурных, экономических и политических изменений конца 1980-х — начала 1990-х годов и в то же время — условием, обеспечившим сам процесс этих изменений. Цены и затраты, неотделимые от нового уровня жизни, оставались при этом скрытыми.

Стагнация уровня притязаний молодежи и частично даже его снижение, наступившие во второй половине 1990-х годов, и сопровождавший их рост готовности молодых людей идти на жертвы и трудности интерпретируются в статье как следствия более трезвого осознания барьеров и цен, ограничивающих возможные достижения как общества в целом, так и отдельных его членов. Важнейшим из событий, повлиявших на формирование подобных представлений, был финансовый кризис 1998 г.

Планируемая (ожидаемая) молодыми людьми, суммарная "ресурсоемкость" единицы при-

тязаний, включая как собственные затраты, так и чужую помощь, сначала (до 1995 г.) снижалась, а затем (во всех городах, кроме Москвы) начала расти. На первом этапе социальных трансформаций жизненные достижения представлялись молодым людям все более легкими, а в дальнейшем произошла коррекция этой тенденции и воспринимаемая трудность мира как места для жизни стала расти.

Десятилетняя динамика вторых факторов (притязаний, готовности к собственным жертвам и ожиданий помощи) с 1990—1991 по 2001 г. оказалась однонаправленной. Их изменения свидетельствуют о том, что имеет место межпоколенческий прообразовательный сдвиг. Каждое следующее поколение молодых людей все больше перераспределяет свои и чужие ресурсы в пользу решения задач собственного профессионального образования. Данные тенденции связаны с тем, что постсоветский социально-экономический порядок оказался более меритократичным, и в новых социально-экономических условиях 1990-х годов гораздо в большей степени, чем в условиях советского общества, стала вознаграждаться общая и профессиональная квалификация работника и его продуктивность.